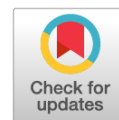

УДК 343.10

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS624782>

Уголовно-процессуальные сроки: неопределенность закона, доктрины, коллизии судебно-следственной практики

Н.Н. Ковтун

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

АННОТАЦИЯ

Предметом внимания в данной работе выступают правила точного понимания, исчисления, применения уголовно-процессуальных сроков как особой разновидности уголовно-процессуальных гарантий, установленных для обеспечения как в целом назначения уголовного судопроизводства России, так и интересов и прав частных заинтересованных лиц — участников процесса. Исследуя пробелы и противоречия действующего нормативного регулирования в этом вопросе, позиции доктрины и закономерности судебно-следственной практики, автор на конкретных примерах показывает, к каким серьезным коллизиям эти пробелы приводят на практике; оценивает и предлагает варианты устранения или минимизации этих коллизий.

Ключевые слова: процессуальные сроки; гарантии; течение и исчисление срока; срок как предмет оценки и проверки суда.

Как цитировать

Ковтун Н.Н. Уголовно-процессуальные сроки: неопределенность закона, доктрины, коллизии судебно-следственной практики // Российский журнал правовых исследований. 2024. Т. 11. № 1. С. 55–64. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS624782>

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS624782>

Navigating the Uncertainties of Criminal Procedure Deadlines: Legal Ambiguities, Doctrinal Perspectives, and Practical Collisions

Nikolay N. Kovtun

Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhniy Novgorod, Russia

ABSTRACT

This study delves into the intricacies of comprehending, calculating, and applying deadlines within criminal procedure, which serves as a distinct form of guarantee established to uphold the overarching objectives of criminal proceedings in Russia while safeguarding the interests and rights of all involved stakeholders. The author explores the gaps and contradictions present in current normative regulation on this matter, alongside the doctrinal viewpoints and trends within judicial and investigative practices. Concrete examples are employed to illustrate the profound collisions arising from these gaps in practice, prompting an evaluation and the proposition of potential solutions to mitigate, if not eliminate these collisions.

Keywords: procedural deadlines; guarantees; course and calculation of the deadlines; deadlines as the subject of evaluation and verification of the court.

To cite this article

Kovtun NN. Navigating the uncertainties of criminal procedure deadlines: legal ambiguities, doctrinal perspectives, and practical collisions. *Russian journal of legal studies*. 2024;11(1):55–64. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS624782>

Received: 19.01.2024

Accepted: 27.02.2024

Published: 30.03.2024

Объективируясь в качестве важнейшего средства-гарантии как в целом назначения уголовного судопроизводства России, так и обеспечения интересов и прав его частных заинтересованных лиц, уголовно-процессуальные сроки всегда находились в центре внимания законодателя, уголовно-процессуальной доктрины и непосредственно судебной-следственной практики. Понимая суть и назначение этой гарантии для достижения цели и задач уголовного судопроизводства, как отрасли государственной деятельности, законодатель всегда стремился к максимально точному определению срока для каждого из предусмотренных производств, реализации процессуальных и следственных действий, применения существенных мер процессуального принуждения, осуществления наиболее значимых актов процесса. Для ситуаций, где исчерпывающе определить эти гарантии не представлялось возможным, законодатель отсылал либо к нравственно-гуманитарной идее разумного срока, либо к конституционным идеям о примате прав и законных интересов личности в системе гражданского общества. Одновременно нормы закона определяли различные санкции за игнорирование или существенное нарушение установленных правил, посредством чего предполагалось добиться и снятия напряженности в правовом регулировании, и обеспечения баланса гарантий.

В рамках предмета работы мы конвенционально откажемся от «дежурных» повторов в оценке оптимальности той или иной дефиниции процессуального срока, их дифференциации по различным правовым основаниям, генезиса в становлении. Все это актуально и, конечно, востребовано, однако наш интерес направлен к правовой определенности в точном понимании правил исчисления каждого из видов процессуального временного периода, ибо только последнее объективирует сроки как подлинно средства-гарантии. Обратимся к закону.

По нормам статьи 128 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ или УПК), процессуальные сроки исчисляются в часах, сутках и месяцах. Момент, с которого следует исчислять течение срока, более или менее точно определен исключительно для единицы измерения «месяц» и в принципе не установлен для таких временных единиц, как «минуты», «часы», «дни», «сутки», «год». Между тем закон не только апеллирует к указанным временным единицам, но и крайне неоднозначно определяет либо начальный момент, либо временные интервалы точного их исчисления. К примеру, при исчислении срока задержания подозреваемого, исчисляемого в часах (пп. 11, 15 ст. 5, ст. 10 УПК), несмотря на умолчание законодателя в этих моментах, во внимание должны быть приняты не только час, но и **минуты** фактического задержания (освобождения) задержанного. В том же однозначном контексте установлены сроки применительно к допросу, очной ставке, опознанию, проверке показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до семи лет.

По букве закона эти познавательные действия не могут продолжаться без перерыва более **30 минут**, а в общей сложности — более одного часа (ч. 1 ст. 191 УПК). Эти же правовые подходы определяют временной интервал производства иных следственных действий, так как в соответствии с пунктом 1 части 3 статьи 166 УПК РФ место и дата производства следственного действия, время его начала и окончания указываются в протоколе с точностью **до минуты**.

Еще в ряде случаев точное исчисление срока — как длящегося временного периода — ставит вопрос об исходном моменте (часе или минуте) начала исчисления. Например:

- постановление о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу подлежит рассмотрению единолично судьей <...> **в течение 8 часов** с момента поступления материалов в суд (ч. 4 ст. 108 УПК);
- **в течение 48 часов** с момента поступления ходатайства, судья выносит постановление о временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности или об отказе в этом (ч. 2 ст. 114 УПК);
- копия постановления об отказе в возбуждении уголовного дела **в течение 24 часов** с момента его вынесения направляется заявителю и прокурору (ч. 4 ст. 148 УПК).

Закон не поясняет указанный срок — интервал надо исчислять с буквальным учетом минут объективации соответствующих юридических фактов, или, напротив, должно считать, что законодатель не настолько «мелочен» в этих моментах, свидетельством чему и полное отсутствие императивных велений о необходимости приведения в соответствующих процессуальных решениях минут их вынесения. В итоге, в соответствии с наработанными подходами практики, пока нет ни особой проблемы, ни существенного нарушения установленных в законе гарантий в том, что (в целях «удобства») установленный временной интервал будет исчислен управомоченным субъектом процесса либо с первого «целого» часа, либо срок-гарантия будет просто проигнорирован. В последнем случае, как правило, без значимых нормативных последствий и для субъекта, ведущего уголовный процесс, и для процесса доказывания. К примеру:

- В кассационной жалобе осужденный Ш. указывает на то, что был задержан 20 августа 2006 года в 3 часа, но в нарушение части 2 статьи 46 УПК РФ не был допрошен в течение суток с момента задержания, чем был лишен возможности своевременно дать опровержение подозрениям в совершении преступлений. ...По итогам проверки суд констатирует: не влияет на выводы суда о виновности Ш. и не влечет за собой изменение или отмену приговора тот факт, что его допрос в качестве подозреваемого был начат не в течение 24 часов с момента задержания, а немного позднее. Возможность дать пояснения по поводу подозрения

в совершении преступлений Ш. была предоставлена, допрос проведен с соблюдением положений УПК РФ, с участием адвоката¹.

- В приговоре не отражено, что в нарушение требований части 2 статьи 46 УПК РФ подозреваемый Г. был допрошен через 29 часов после фактического задержания. ...По итогам проверки суд утверждает: то обстоятельство, что Г. был допрошен через 29 часов после его задержания 16 сентября 2009 года, не подвергает сомнению законность и обоснованность приговора².
- Время фактического задержания К. не совпадает со временем, указанным в протоколе задержания, а сам протокол составлен с нарушением требований части 1 статьи 92 УПК РФ. Постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении К. вынесено по истечении 48 часов после фактического задержания. ...Суд кассационной инстанции итожит: права осужденных на защиту в ходе предварительного расследования не нарушены³.

По этим же наработанным практикам суд, как правило, проверяет срок фактического задержания подозреваемого именно с момента составления протокола о задержании. При этом все доводы задержанного о том, что гораздо ранее его ограничили в свободе передвижения, к примеру, во время обыска в жилище, а затем (по доставлении в РУВД) в течение ряда часов с ним осуществляли различные следственные действия, легко парируются суждениями о том, что на этот период подозреваемый вовсе не был задержан; просто с его участием проводились необходимые следственные действия [1; 2]. Как следствие, в случаях, когда задержанные, исходя из реалий следственной практики, годами апеллируют к Конституционному Суду РФ, с требованием определенности в столь «сложном» вопросе, последний, безусловно, прав, когда констатирует, что сроки исчисления задержания по нормам УПК РФ не содержат неопределенности. Что же касается моментов сугубо практического их «понимания» судебными или правоохранительными органами — то эти коллизии вне конституционной его компетенции⁴.

Не менее известны проблемы применительно к временной категории «сутки». Закон исчерпывающе пояснил лишь момент окончания этого срока (ч. 2 ст. 128 УПК),

но никак не начальный момент его исчисления. Между тем начало течения этого временного периода следует исчислять с учетом различно обозначенных непосредственно в законе юридических фактов. Например:

- в случаях, когда немедленное принятие решения по ходатайству, заявленному в ходе предварительного расследования, невозможно, оно должно быть разрешено не позднее 3 суток **со дня его заявления** (ч. 1 ст. 121 УПК); прокурор, руководитель следственного органа рассматривает жалобу в течение 3 суток **со дня ее получения** (ч. 1 ст. 124 УПК);
- признав постановление руководителя следственного органа или следователя о прекращении уголовного дела или уголовного преследования <...> незаконным или необоснованным, прокурор в срок не позднее 14 суток **с момента получения материалов** уголовного дела отменяет его, о чем выносит мотивированное постановление (ч. 1 ст. 214 УПК);
- обвинение должно быть предъявлено подозреваемому не позднее 10 суток **с момента применения меры пресечения** (ч. 1 ст. 100 УПК); материалы оконченого расследованием дела должны быть предъявлены обвиняемому, содержащемуся под стражей, и его защитнику не позднее чем за 30 суток **до окончания** предельного срока содержания под стражей (ч. 5 ст. 109 УПК).

В итоге, несмотря на известное различие доктринальных суждений в этом вопросе [3; 4], в каждой из указанных ситуаций к учету и точному исчислению данного временного периода должны быть приняты те сутки, с которыми закон связывает реализацию конкретного процессуального права или исполнения процессуальной обязанности. Вместе с тем для обеспечения единства в правовом применении было бы оптимально, если бы это правило было закреплено непосредственно в нормах части 2 статьи 128 УПК РФ, так как не только доктрина, но и следственно-судебная практика не столь однозначны в этих моментах. К примеру⁵:

Осужденный Т., обжалуя постановление от 23 марта 2011 года, утверждал, что вывод суда о пропуске им срока кассационного обжалования постановления от 6 декабря 2010 года противоречит закону. Просил постановление от 23 марта 2011 года отменить и принять к рассмотрению его кассационную жалобу. Судебная коллегия отменила постановление от 23 марта 2011 года и приняла к рассмотрению кассационную жалобу осужденного, указав следующее.

В силу ст. 365 УПК РФ срок обжалования не вступившего в законную силу решения суда первой инстанции для осужденного, содержащегося под стражей, составляет 10 суток со дня вручения ему копии судебного

¹ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 30 августа 2016 г. № 1-016-2 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 октября 2012 г. № 64-012-11 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 августа 2023 г. № 38-УД23-16-А1 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2023 г. № 1777-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ушаева Павла Павловича на нарушение его конституционных прав пунктом 15 статьи 5 и частью третьей статьи 128 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

⁵ См.: «Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2011 года» (пункт 2.4.1.) // СПС «КонсультантПлюс».

решения⁶. В соответствии с нормами статьи 128 УПК РФ при исчислении процессуальных сроков не принимаются во внимание тот час и те сутки, которыми начинается течение срока⁷. Если окончание срока приходится на нерабочий день, то последним днем срока считается первый следующий за ним рабочий день. Поскольку постановление суда от 6 декабря 2010 года было вручено Т. 15 декабря 2010 года, установленный законом срок кассационного обжалования этого постановления для Т. истек 25 декабря 2010 года. С учетом того, что этот день являлся нерабочим (суббота), последним днем срока следовало считать понедельник, то есть 27 декабря 2010 года.

Возразим: срок, который являлся предметом проверки кассационного суда, установлен и исчисляется в сутках. По букве закона, что признается и кассационной инстанцией, этот срок исчисляется со дня вручения копии обжалуемого судебного решения. В нашем случае этот юридический факт реализован 15 декабря 2010 года. Соответственно, при включении в исчисление указанной даты, срок окончания 10 суток истек к 24 часам 00 минут 24 декабря 2010 года (в пятницу — рабочий день). Как следствие, у кассационного суда не было оснований к отмене проверяемого (законного) судебного акта.

Определенные сложности в толковании правил исчисления срока возникают и в тех правовых ситуациях, где закон к пониманию предлагает изначально неопределенные смысловые конструкции. Например:

- если защитник, законный представитель обвиняемого или представитель потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика по уважительным причинам не могут явиться для ознакомления с материалами уголовного дела в назначенное время, то следователь откладывает ознакомление на срок **не более 5 суток** (ч. 3 ст. 215 УПК);
- в случае невозможности избранного обвиняемым защитника явиться для ознакомления с материалами уголовного дела следователь **по истечении 5 суток** вправе предложить обвиняемому избрать другого защитника или при наличии ходатайства обвиняемого принимает меры для явки другого защитника (ч. 4 ст. 215 УПК);
- прокурор рассматривает поступившее от следователя уголовное дело с обвинительным заключением и **в течение 10 суток** принимает по нему одно из следующих решений... (ч. 1 ст. 221 УПК).

Применительно к этим лексическим конструкциям, прежде всего, объективируется проблема «первых», исчисляемых суток — как момента для точного определения в целом установленного законом временного

периода. В настоящее время и доктрина, и практика являют примеры самой широкой дискреции в этом вопросе. Сроки исчисляются как с нуля часов следующих суток, так и с принятием к учету тех суток, в которые был объективирован соответствующий юридический факт. Мы, напротив, не видим оснований к тому, чтобы для этих конструкций усматривать какие-либо исключения из ранее рассмотренных правил. Срок-интервал, исчисляемый по правилам суток, должен определяться строго с момента объективации соответствующих юридических фактов, указанных в законе⁸. И то, что в соответствии с данными правилами, к примеру, у прокурора по нормам части 1 статьи 226.8 УПК РФ в наличии может оказаться всего двое полных суток на принятие итогового решения по делу, поступившему с обвинительным постановлением, это проблема закона, а не (заранее удобное) обстоятельство для «вольных» интерпретаций закона. Вместе с тем не столь однозначным будет указанный вывод применительно к следующей нормативной конструкции.

Представление Президента Российской Федерации о наличии в действиях Генерального прокурора РФ или Председателя Следственного комитета РФ признаков преступления рассматривается в закрытом судебном заседании в десятидневный срок **после** поступления в суд соответствующего представления... (ч. 2 ст. 448 УПК).

Насколько «после», ни закон, ни судебная практика в целом не поясняют. В итоге, в наличии есть прецеденты, где суды не усматривали нарушений закона как в факте исчисления этого срока с нуля часов следующих суток, так и с незначительным превышением предусмотренного законом срока⁹. Никак не комментируя последнее, выскажем лишь суждение, что подобные смысловые конструкции не совсем уместны для определения нормативных гарантий.

Еще более неуместным, при суточном исчислении срока, видится, обращение законодателя к временной категории «день» (ч. 2 ст. 401.5, ч. 2 ст. 412.4, ч. 2 ст. 446.3 УПК). Использование последней порождает наивные смысловые иллюзии о том, что для отдельных правовых ситуаций определяющее значение имеет исключительно «дневной» период установленного временного периода. И, напротив, совершенно ничтожен «ночной» его интервал. Между тем «день» и «сутки» для правил уголовно-процессуального их исчисления суть изначально тождество.

Не точно определился законодатель и в правилах исчисления срока, обозначенного временной категорией

⁶ Закон (в данном случае) цитируется в редакции УПК РФ, действующей на момент вынесения решения судом.

⁷ Приведенное суждение суда, укажем, ошибка, ибо названное в решении исчисление срока по нормам части 2 ст. 128 УПК РФ применяется к срокам, измеряемым в месяцах (в нашем случае осужденный ходатайствует о восстановлении срока на кассационное обжалование, исчисляемого в сутках, на что ссылается и суд).

⁸ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20 августа 2020 г. № 57-УД20-4; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 30 июня 2005 г. № 72-о05-21 // СПС «КонсультантПлюс».

«месяц». Да, исключительно к этой разновидности временного периода законодатель оговорился в вопросе о том, что при исчислении указанных сроков не принимаются во внимание тот час и те сутки, которыми начинается течение срока (за исключением случаев, непосредственно предусмотренных уголовно-процессуальным законом (ч. 1 ст. 128 УПК)). По идее, однозначны и нормы закона, согласно которым срок, исчисляемый месяцами, истекает в соответствующее число последнего месяца; если месяц не имеет соответствующего числа, то срок оканчивается в последние сутки этого месяца (ч. 2 ст. 128 УПК).

Тем не менее сложности возникли как при грамматическом толковании указанных правовых предписаний, так и при обращении к иным способам толкования¹⁰. Напомним, в частности, правило, согласно которому идентичным формулировкам в рамках одного и того же нормативного акта нельзя придавать разные смысловые значения [5]. Еще более пагубно это в рамках единого нормативного предписания. В нормах части 2 статьи 128 УПК РФ законодатель упустил эти моменты. Разъясняя правила исчисления временной единицы «месяц», закон дважды акцентирует, что окончанный исчислением месячный срок должен быть исчерпан в **соответствующую дату**. И лишь при отсутствии последней (в актуальный месяц) — в последний день месяца. Соответствующий, по букве грамматических правил: заключающий в себе соответствие с кем-либо или чем-либо, равный чему-либо в каком-либо отношении¹¹; подходящий; подобранный, равносильный, согласующийся¹². Отсюда, по идее, разумно суждение о необходимом фактическом тождестве даты начала и окончания срока, исчисляемого в месяцах (за исключением оговорки закона об отсутствии в актуальном месяце тождественной даты). Практическое толкование предлагает иные смыслы указанного «соответствия». К примеру:

Апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 20 ноября 2015 года удовлетворено апелляционное представление прокурора, в котором указывалось на неправильное определение судом конечной даты (31 декабря 2015 года) срока содержания под стражей Д.

В порядке статьи 91 УПК РФ подозреваемый был задержан 31 октября 2015 года в 19 часов 20 минут. Изменив постановление Верхневилуйского районного суда от 2 ноября 2015 года, суд апелляционной инстанции постановил считать конечной датой

двухмесячного срока содержания Д. под стражей 30 декабря 2015 года¹³.

Как видим, по букве части 2 статьи 128 УПК РФ, при избрании судом первой инстанции в отношении Д. меры пресечения в виде заключения под стражу (сроком на два месяца), датой **соответствующей** 31 октября, должна быть дата 31 декабря 2015 года. Тем не менее суд вышестоящей инстанции более точно определил временной интервал, установленный в законе, как сумму двух месяцев: из расчета 30 плюс 31 сутки. Если же при исчислении срока буквально следовать «соответствующей» дате, указанной в законе (и решении суда первой инстанции), то к моменту истечения срока — 31 декабря 2015 года — подозреваемый Д. фактически содержался бы под стражей 62 суток; что явно не два месяца, установленных законом. Отсюда срок в два месяца — это либо временной интервал, состоящий из суммы 30 плюс 31 сутки, либо два месяца по правилам исчисления суток в январе — феврале 31 + 28 или 31 + 29 суток (в обычном или високосном году). Вместе с тем «строгость» указанных правил несколько нарушают два временных периода: это декабрь — январь и июль — август. Как известно, эти два периода включают в себя два месяца по 31 сутки. В итоге, при возбуждении уголовного дела 1 декабря или 1 июля срок предварительного следствия в два месяца, по правилам части 2 статьи 128 УПК РФ, составит 62 суток. В иные месяцы — 61 сутки (или по правилам: январь — февраль). Между тем тождественные уголовно-процессуальные сроки, однозначно, должны быть идентичны для одних и тех же правовых ситуаций, без надуманных «привилегий» в отдельные периоды расследования. Нормы части 2 статьи 128 УПК РФ, настаивая на буквальном «соответствии», не учли эти моменты. Не высказался по этим «интересным» моментам и Пленум или Президиум Верховного Суда РФ.

Эти же рациональные правила должны применяться при исчислении месячного срока содержания под стражей. Если подозреваемый был задержан, а затем заключен под стражу, — разъясняет Президиум Верховного Суда РФ, — срок в соответствии с частью 3 статьи 128 УПК РФ исчисляется с момента фактического задержания. Определяя конечную дату срока содержания под стражей, суды правильно полагали, что если лицо было задержано, например, 3 мая, то окончание месячного срока приходится на 2 июня (месяц, как видим, исчислен как 31 сутки — *Н.К.*)¹⁴.

В ряде случаев правила точного исчисления срока требуют обязательного учета норм-оговорок, которые предусмотрены для исчисления срока реализации той или иной меры процессуального принуждения. К примеру:

¹⁰ См.: Мелехин А.В. Теория государства и права: Учебник. Москва: Маркет ДС корпорейшн, 2007. С. 387.

¹¹ См.: Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Под. ред. Н. Абрамова. Москва: Русские словари, 1999. С. 257.

¹² См.: Викисловарь (англ.: Wiktionary). URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D1%81%D0%BE%D0%BE%D1%82%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D1%83%D1%8E%D1%89%D0%B8%D0%B9> (дата обращения: 14.12.2023).

¹³ См.: Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 января 2017 г.) // СПС «Консультант Плюс».

¹⁴ Там же: пункт 3.3 Обзора.

Срок применения запрета, предусмотренного пунктом 1 части 6 статьи 105.1 УПК РФ, а равно домашнего ареста, исчисляется с **момента вынесения** судом решения об избрании данной меры пресечения (соответственно: ч. 10 ст. 105.1 и ч. 2 ст. 107 УПК). Срок применения залога, напротив, — с **момента внесения** залога (ч. 2 ст. 106 УПК). Мера пресечения в виде заключения под стражу считается примененной с **момента вынесения решения суда** в порядке ст. 108 УПК РФ (п. 29 ст. 5 УПК). Однако непосредственно срок содержания под стражей будет исчислен лишь с **момента реального пребывания (содержания) лица** в следственном изоляторе либо ином месте, определяемом федеральным законом (п. 42 ст. 5 УПК). Как следствие, в ситуациях, когда эта мера пресечения, к примеру, избирается в отношении обвиняемых, скрывшихся от следствия (п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК) или в отношении которых решается вопрос об экстрадиции (п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК), мера пресечения по закону применена. Но сроки реального ее применения временно (до задержания обвиняемого или экстрадиции на территорию Российской Федерации) не исчисляются.

Свою лепту в «правильное» понимание исчисления сроков, определяемых месяцами, внес и высший орган конституционного правосудия Российской Федерации. К примеру, посредством правовых позиций, изложенных в определении от 29 января 2019 года № 16-О. «Согласно статье 162 УПК РФ, — констатирует высший орган конституционного правосудия, — срок предварительного следствия исчисляется месяцами, начиная со дня возбуждения уголовного дела и до дня его направления прокурору с обвинительным заключением или <...> до дня вынесения постановления о прекращении производства по уголовному делу.

<...> В соответствии с частью 1 статьи 128 УПК РФ при исчислении сроков месяцами не принимаются во внимание тот час и те сутки, которыми начинается течение срока, причем **не является исключением из этого правила и исчисление срока предварительного следствия**»¹⁵.

Еще ранее, скорее всего, в соответствии с нарабатанным опытом, эти «выверенные» правовые позиции нашли свое отражение, к примеру, в «Обзоре судебной практики применения судами Нижегородской области законодательства о мерах пресечения...», где компетентная судебная инстанция не только сформулировала аналогичные правовые подходы, но и привела пример, как именно следует исчислять процессуальные сроки:

«Уголовное дело возбуждено в 9 часов 10 минут 6 марта 2014 года. В соответствии с положениями

статей 128 и 162 УПК РФ двухмесячный срок предварительного следствия исчисляется с 7 марта 2014 года (со следующего дня) и истекает в 24 часа 6 мая 2014 года, поскольку при исчислении этого процессуального срока не принимаются во внимание тот час и те сутки, которыми начинается течение срока. При этом лицо было заключено под стражу в 9 часов 50 минут 6 марта 2014 года. По смыслу ст. 109 УПК РФ течение двухмесячного срока содержания под стражей начинается 6 марта 2014 года (час и минуты заключения под стражу во внимание не принимаются, учитывается целый день), в день заключения под стражу, а истекает в 24 часа 5 мая 2014 года, независимо от того, приходится ли его окончание на рабочий или нерабочий день»¹⁶.

Несмотря на то, что в соответствии с нормами Федерального конституционного закона от 28 декабря 2016 года № 11-ФКЗ акты конституционного правосудия актуализированы в качестве императива для российского права¹⁷, позволим себе не согласиться как с высказанными конституционно-правовыми позициями, так и с практиками суда. Прежде всего, Конституционный Суд РФ явно ошибся в итоговом выводе. Безусловно, по части 2 статьи 128 УПК РФ, при исчислении сроков месяцами не принимается в расчет тот час и те сутки, которыми начинается течение срока. Однако в этой же норме имеется оговорка: за исключением случаев, непосредственно предусмотренных в уголовно-процессуальном законе. Конституционный Суд РФ указывает этот случай: по нормам ст. 162 УПК РФ срок предварительного следствия исчисляется месяцами, начиная **со дня** возбуждения уголовного дела. Как при подобной определенности общей и специальной нормы можно отстаивать императивную, по факту, обязанность исчислять указанный срок именно с нуля следующих суток, остается только гадать.

Не прав и президиум Нижегородского областного суда, во-первых, также ориентирующий нижестоящие суды к незаконному исчислению срока; во-вторых — к явным нарушениям закона. Если исходить из предложенных разъяснений, то в приведенном прецеденте к подозреваемому незаконно, за рамками легального срока следствия, применена мера пресечения — заключение под стражу. Правовые последствия, полагаем, известны. Вероятно и то, что в эти же (первые) сутки с указанным лицом были реализованы неотложные следственные действия. Как проведенные за рамками срока предварительного следствия, они *a priori* лишены юридической силы.

¹⁵ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 29 января 2019 г. № 16-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Перевязкина В.Н. на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 128, частями второй и третьей статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=570973#011010931719859851> (дата обращения: 07.12.2023).

¹⁶ См.: Обзор судебной практики применения судами Нижегородской области законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога за четвертый квартал 2014 года (утвержден Президиумом Нижегородского областного суда 22 апреля 2015 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_289229/ (дата обращения: 24.11.2023).

¹⁷ См.: Федеральный конституционный закон от 28 декабря 2016 г. № 11-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Позиции Верховного Суда РФ в этом вопросе, на наш взгляд, однозначны.

В итоге, апеллируя к исчислению срока в месяцах, следует обязательно проверить, с каким именно юридическим фактом закон связывает начало исчисления того или иного временного периода. Причины указанного в том, что по нормам УПК РФ рассмотренная оговорка части 2 статьи 128 УПК РФ скорее общее правило, чем исключение (ч. 2.2. ст. 27, пп. 1, 2, 3 ч. 10 ст. 105.1, ч. 2 ст. 106, ч. 2 ст. 107, чч. 2, 6, 6.1, 6.2 ст. 162 УПК).

Актуальность данной «проверки» обусловлена и тем обстоятельством, что за рамками законодательной воли в нормах статьи 128 УПК РФ оказался порядок исчисления сроков, определяемых временной единицей «год». В соответствии с судебной практикой и позициями доктрины на правила исчисления этого срока распространяются предписания, касающиеся единицы измерения «месяц»; естественно, и в части тех оговорок, которые предусмотрены законом применительно к отдельным юридическим актам. Например:

- пересмотр в кассационном порядке приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается в срок, не превышающий одного года **со дня** вступления их в законную силу (ч. 1 ст. 401.6 УПК);
- пересмотр оправдательного приговора, определения, постановления о прекращении уголовного дела или обвинительного приговора в связи с мягкостью наказания либо необходимостью применения к осужденному уголовного закона о более тяжком преступлении допускается лишь в течение сроков давности привлечения к уголовной ответственности, установленных статьей 78 УК РФ, и не позднее одного года **со дня** открытия вновь открывшихся обстоятельств (ч. 3 ст. 414 УПК).

Таким образом, по букве закона начальный момент исчисления этого временного периода также связан с днем определенного юридического факта; при этом указанный законом день (сутки) объективации этого факта императивно включается в общий временной интервал, оговоренный законом. Увы, как и при сроке исчисления категории «месяц», практика предлагает свое понимание «правильного» исчисления данного временного периода. К примеру:

Обстоятельства дела: постановлением уголовное преследование в отношении осужденных по части 4 статьи 291.1 УК РФ прекращено на основании части 2 статьи 75 УК РФ, примечания к статье 291.1 УК РФ и части 2 статьи 28 УПК РФ. По итогам проверки постановление оставлено без изменения, поскольку решение о повороте к худшему не может быть принято судом кассационной инстанции по истечении годичного срока.

...Как следует из материалов уголовного дела, постановление Центрального районного суда г. Челябинска

от 20 марта 2020 года, согласно которому уголовное дело и уголовное преследование в отношении Б.А.П. и П.Е.А. прекращены, вступило в законную силу 2 июня 2020 года (день вынесения решения судом апелляционной инстанции). С учетом положений статьи 128 УПК РФ годичный срок со дня вступления в законную силу постановления от 20 марта 2020 года истек 2 июня 2021 года¹⁸.

Не согласимся: по нормам части 1 статьи 401.6 УПК РФ пересмотр в кассационном порядке указанного решения допускается в срок, не превышающий одного года **со дня** вступления его в законную силу. Отсюда исчисление срока включает в себя и сутки (дату) вступления решения в законную силу (в нашем случае — 2 июня 2020 г.). Соответственно, годичный срок, связанный с недопустимостью поворота к худшему, в отношении указанных лиц истекает к 24 часам 00 минут 1 июня 2021 года.

Свидетельством того, что публичные субъекты правоприменительного процесса не до конца точно разобрались в правилах исчисления сроков, отчасти служат и следующие формулировки в описательно-мотивировочной части постановленных (в рамках той или иной формы проверки) решений:

- По мнению заявителя, статья 128 УПК РФ, не указывая, какими сутками начинается течение срока при исчислении сроков сутками, нарушает его права, гарантированные статьями 19, 22, 45 (часть 2), 46 (часть 1) и 55 (часть 2) Конституции Российской Федерации. ...Конституционный Суд РФ, отказывая в разрешении жалобы заявителя по существу, «отвечает» на совершенно иные вопросы: сроки, предусмотренные УПК РФ (ст. 128), исчисляются часами, сутками, месяцами. При исчислении сроков **месяцами** не принимаются во внимание тот час и те сутки, которыми начинается течение срока <...> срок, исчисляемый сутками, **истекает** в 24 часа последних суток¹⁹. Признаем, познавательное; однако заявитель в принципе не апеллировал к этим моментам.
- В силу статьи 356 УПК РФ срок обжалования не вступившего в законную силу решения суда первой инстанции для осужденного, содержащегося под стражей, составляет 10 суток со дня вручения ему копии судебного решения. В соответствии с положениями статьи 128 УПК РФ при исчислении процессуальных сроков **не принимаются во внимание тот час и те сутки**, которыми начинается течение срока. Если окончание срока приходится на нерабочий день, то последним днем

¹⁸ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 июня 2021 г. № 48-УДП21-11-К7 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 22 марта 2011 г. № 286-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Антонова Петра Михайловича на нарушение его конституционных прав статьей 128 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

срока считается первый следующий за ним рабочий день, что имело место в данном случае²⁰. Согласимся; однако причем здесь правила исчисления срока в месяцах, если предметом проверки суда (по данному делу) является срок, установленный в сутках.

- Адвокат, обращаясь к суду кассационной инстанции, указывает на неправильное исчисление нижестоящим судом срока давности уголовного преследования в отношении осужденного, установленного в годах; просит устранить нарушение закона. ...«Восстанавливая» права осужденного, суд кассационной инстанции итожит: согласно положениям, содержащимся в статье 128 УПК РФ, срок, исчисляемый **сутками**, истекает в 24 часа последних суток. Приговор провозглашен 14 июня 2011 года. Следовательно, на момент вынесения приговора срок давности по эпизоду у К. не истек. Он истек после 24 часов — 15 июня 2011 года. При таких обстоятельствах К. подлежит освобождению не от уголовной ответственности, а от наказания за убийство²¹. Не согласимся: срок давности уголовного преследования исчисляется **со дня** совершения преступления (ч. 1 ст. 78 УК РФ) — в нашем случае с 14 декабря 2003 года. На день совершения деяния К. являлся несовершеннолетним; срок давности сокращен вдвое (до 7 лет 6 месяцев). При исчислении искомого срока с указанной даты сроки давности должны быть окончены исчислением к 24 часам 00 минут 13 июня 2011 года (повторно число (дату) «14» к исчислению принимать не надо). Вышестоящая инстанция предлагает принципиально иную дату (15 июня 2011 года), которая «получается» к исчислению лишь при неведомом нам порядке подсчета (возможно, с 00 часов следующих за преступлением суток).

Кроме того, ни закон, ни доктрина не поясняют того, насколько должно быть принято во внимание то, что 2004 и 2008 годы (в последнем приведенном примере) являются високосными (соответственно, содержат в себе не 365, а 366 суток). Указанные два «лишних» дня (сутки) должны быть приняты к учету и исчислению сроков давности? Или надо механически исходить из того, что «год» — это «год», и в сутках ничего «пересчитывать» не надо. Если эти двое («високосных») суток все же надо учитывать, период истечения срока давности будет совершенно иной (и конечные даты срока, безусловно, иные); соответственно, итоговые решения суда по делу должны быть иные. Отсюда закономерны вопросы: во-первых, насколько указанные итоговые акты действительно правосудны; во-вторых, насколько они являются ориентиром-прецедентом для практики.

В заключение остановимся на сроках-моментах,

предусмотренных процессуальным законом. Приведем, некоторые из них:

- решение о признании потерпевшим принимается **незамедлительно** с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи (ч. 1 ст. 42 УПК); заявитель должен быть незамедлительно уведомлен о решении, принятом по жалобе, и дальнейшем порядке его обжалования (ч. 4 ст. 124 УПК);
- постановление судьи подлежит **немедленному** исполнению и может быть обжаловано в порядке, установленном частью 11 статьи 108 настоящего Кодекса (ч. 5 ст. 105.1 УПК); администрация места содержания под стражей **немедленно** направляет прокурору или в суд адресованные им жалобы подозреваемого, обвиняемого, содержащегося под стражей (ст. 126 УПК);
- ходатайство (участника процесса — *Н.К.*) подлежит рассмотрению и разрешению **непосредственно** после его заявления (ст. 121 УПК).

Временной интервал исчисления указанных сроков не определен уголовно-процессуальным законом. Отчасти эта пробельность восполнена и позициями уголовно-процессуальной доктрины, и судебно-следственной практикой. В итоге, принято считать, что предписание закона или реализация правовой обязанности, обозначенные названными временными периодами, должны быть реализованы не в течение первых суток (по общепринятому «обыкновению») а, по возможности максимально оперативно — реально немедленно (незамедлительно) по факту объективации соответствующего юридического акта²².

Вместе с тем И.В. Маслов, апеллируя к практике Европейского Суда по правам человека, обращает внимание на несколько иное исчисление указанных сроков. Так, пункт 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, не устанавливая строго определенного срока подобного задержания, вместе с тем требует **незамедлительного** доставления задержанного к судье. Поэтому категория «незамедлительности», как правило, трактуется этим Судом с позиций разумности применительно к обстоятельствам конкретного уголовного дела. К примеру: в решении от 29 ноября 2018 года по делу Броуган и другие против Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии Европейский Суд определил:

- сроки задержания в 4 дня и 6 часов (всего 102 часа) для Макфаддена и 4 дня 11 часов (всего 107 часов) для Трейси — вполне соответствуют требованиям незамедлительности;
- сроки в 5 дней и 11 часов (всего 131 час) для Броугана и 6 дней 16 часов (всего 160 часов) для Койла — не отвечают этому критерию [6, с. 141].

Суды Российской Федерации практически в том же контексте также все более нарабатывают «европейские»

²⁰ См.: «Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2011 года» // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 января 2012 г. № 78-О-11-98сп // СПС «КонсультантПлюс».

²² Именно в этом контексте, как представляется, законодатель еще раз уточняет эту незамедлительность в нормах части 9 статьи 166 УПК РФ.

стандарты в толковании и исчислении указанных сроков. Приведем примеры «непосредственности» указанных судебных решений:

- В апелляционной жалобе К. указывает, что вину по инкриминируемому эпизоду не признавал, но ходатайствовал о прекращении производства, чтобы не затягивать судебный процесс. Отмечает, что ходатайство было подано 5 декабря 2016 года. Однако суд в нарушение требований ст. 121 УПК РФ рассмотрел его через 10 с лишним месяцев. ...По итогам проверки суд вышестоящей инстанции констатирует: период времени, в течение которого ходатайство не разрешалось, на законность принятого решения <...> не влияет²³.
- Вопреки мнению авторов жалоб, статьи 121 и 271 УПК РФ не обязывают суд принимать решение по каждому ходатайству немедленно (надо — непосредственно!) после его заявления, а установленный статьей 121 УПК РФ предельный срок разрешения ходатайств распространяется только на стадию предва-

рительного расследования, но не рассмотрения дела в суде первой²⁴ или апелляционной инстанции²⁵.

Таким образом, надо суммировать. И, прежде всего, надо признать, что, несмотря на то, что с момента принятия УПК РФ прошло более двадцати лет, ни в уголовно-процессуальной доктрине, ни в собственно судебно-следственной практике так и не сложилось единства подходов в единственно верном и единообразном понимании сроков, закрепленных в законе. Причем это касается сроков, исчисляемых и в часах, и в сутках, и в месяцах, и в других временных единицах. Не менее честно надо признать и то обстоятельство, что соблюдение этой разновидности процессуальных гарантий более широко декларируется, чем обеспечивается реально, на деле. При этом, несмотря на значительное число нарушений в этих вопросах и крайне субъективное использование дискреционных начал непосредственно в практике, безмолвствует в этих моментах и Пленум, ибо определяющая позиция по данным моментам публично озвучена — на законность постановленных актов суда подобные мелочи никак не влияют.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азаренок Н.В. Оптимизация института задержания подозреваемого в российском уголовном процессе с позиции публично-го и частного интересов // Российский следователь. 2023. № 6. С. 7–10. EDN: GZTBIU doi: 10.18572/1812-3783-2023-6-7-10
2. Арестова Е.Н., Шарапова Е.В., Борбат А.В. Проблемы правовой регламентации задержания подозреваемого // Российский следователь. 2023. № 6. С. 11–14. EDN: QWZZQB doi: 10.18572/1812-3783-2023-6-11-14
3. Бекетов А.О., Бородин А.А. Взаимосвязь сроков содержания под стражей и предварительного расследования // Уголовное право. 2019. № 3. С. 101–108. EDN: MQQTHL

REFERENCES

1. Azarenok NV. Optimization of the institution of detention of a suspect in Russian criminal proceedings from the position of public and private interests. *Russian Investigator*. 2023;(6):7–10. (In Russ.) EDN: GZTBIU doi: 10.18572/1812-3783-2023-6-7-10
2. Arestova EN, Sharapova EV, Borbat AV. Problems of legal regulation of the detention of a suspect. *Russian Investigator*. 2023;(6): 11–14. (In Russ.) EDN: QWZZQB doi: 10.18572/1812-3783-2023-6-11-14
3. Beketov AO, Borodin AA. Interrelation of terms of detention and preliminary investigation: urgent need or imaginary guarantee? *Criminal law*. 2019;(3):101–108. (In Russ.) EDN: MQQTHL

ОБ АВТОРЕ

Николай Николаевич Ковтун, доктор юридических наук, профессор; eLibrary SPIN: 3167-1176; e-mail: kovtunnov@mail.ru

4. Глушков М.Р. Об исчислении сроков сутками в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2015. № 5. С. 16–18. EDN: TLPQCV
5. Пирмаев Е.В. Языковой способ толкования как способ реаллизации и дальнейшего совершенствования права // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 1. С. 35–36. EDN: KIGKMA
6. Маслов И.В. Уголовно-процессуальные сроки в досудебном производстве: монография. Москва: ИНФРА-М, 2018.

4. Glushkov MR. On calculating time limits by day in criminal proceedings. *Russian Investigator*. 2015;(5):16–18. (In Russ.) EDN: TLPQCV
5. Pirmaev EV. The way of linguistic interpretation as the way of actualization and further improvement of law. *Gaps in Russian legislation*. 2010;(1):35–36. (In Russ.) EDN: KIGKMA
6. Maslov IV. Criminal procedural terms in pre-trial proceedings: monograph. Moscow: INFRA-M; 2018. (In Russ.)

AUTHOR INFO

Nikolay N. Kovtun, doctor of law, professor; eLibrary SPIN: 3167-1176; e-mail: kovtunnov@mail.ru

²³ См.: Апелляционное определение. Верховный Суд Российской Федерации от 17 июня 2020 г. № 3-АПУ19-10 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ См.: Апелляционное определение. Верховный Суд Российской Федерации от 9 июля 2020 г. № 223-АПУ20-2 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ См.: Кассационное определение. Верховный Суд Российской Федерации от 16 декабря 2022 г. № 222-УД22-57-А6 // СПС «КонсультантПлюс».